

УДК 821.161.1 (130.2)

К проблеме формирования символики сказки

*Литвиненко А.А., студент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
кафедра «Технологии машиностроения»*

*Научный руководитель: Чернышева А.В., к.ф.н., доцент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана
dekan.fsgn@bmstu.ru*

Проблемы волшебной сказки, интерпретации ее сущности и значения в психическом развитии человека и человечества издавна являются предметом специального научного анализа, а ее история теряется в глубине веков. Известно, что уже на египетских папирусах и каменных стелах встречаются сюжеты волшебных сказок, например сказка о двух братьях Анупе (Анубисе) и Бате. Уже в диалогах Платона есть упоминания о том, что в давние времена пожилые женщины рассказывали детям символические истории, и это было специфическим аспектом культурного социогенеза новых поколений. Философ и писатель II в. н.э. Апулей включил в свой знаменитый роман «Золотой Осел» сказку «Амур и Психея», относимую к архетипическому сюжету о красавице и чудовище. По данным М.–Л. фон Франц, в XVII–XVIII вв. сказки по традиции рассказывались не только детям, но и взрослым, и эта практика позже сохраняется у примитивных народов и является своего рода духовной потребностью

Национальные собрания сказок созданы практически в каждой стране. Сила и устойчивость сказочных образов, как и, к примеру, религиозных символов, состоит в том, что они одновременно адресуются и к сознанию, и к подсознанию человека. Общность сюжетов воспринимается, согласно Я. Гримму, как «разбитый кристалл древней мудрости, осколки которого еще можно найти в траве».

Сказочно-фольклорный мир, выполняющий своеобразные «посреднические» функции между культурно развивающимся детским сознанием и реальностью, – совершенно особый. Во-первых, он «вещный», экстравертный; в нем человек не рассуждает и рефлексировать, а преимущественно действует, проявляет свои чувства и

мысли вовне. Почти все переживания овеществлены, видимы, слышимы, достаточно однозначно понимаемы

Но «вещность» не значит, что сказка представляет собой элементарную семантическую конструкцию. Напротив, она многослойна, метафорична и при своей интерпретации способна вскрыть совсем иное содержание, чем то, что лежит на поверхности. В культуре овеществляются, прежде всего, отношения между человеком и человеком, между человеком и природой, и это овеществление всегда семиотично.

Символ непосредственно связывает нашу активную жизнь, воплощаемую в делании, с семантическим миром нашего бессознательного. Символ, в отличие от языка, не имеет иерархии, и, как отмечает В. В. Налимов, он сам несет в себе всю полноту собственного «текста». В языке за словом стоит смысловое поле, раскрывается через другие окружающие его в тексте слова; символ же выступает в неделимости своего образа. Поэтому сказка неразложима на составляющие символы, она вся есть символ-текст.

Во-вторых, в сказочном мире представлены квази-реальность. Например, молочная река–кисельные берега, золотое яичко и золотые яблоки и т.п. и квази-логика, которая позволяет под воздействием живой воды оживать давно умершим; быть сваренным в котле и остаться в добром здравии; деревьям и птицам – говорить с людьми на понятном им языке; животным и предметам. Некоторые сказочные сюжеты с точки зрения современного сознания воспринимаются как странные, хотя и сохраняют ощущение подлинности благодаря тому, что их персонажи совершают все то, что делают обыкновенные люди во все времена – едят, пьют, работают, воюют, женятся, рожают детей, преодолевают препятствия, обманывают, проявляют находчивость и сообразительность и т. д., то есть функционируют в таком необычном мире с помощью обычных действий, знакомых ребенку по окружающей его повседневной реальности.

В-третьих, несмотря на безграничные возможности сказочной квази-реальности, мир древней сказки все же достаточно замкнут, ограничен. Количество возможных в нем ситуаций в принципе исчислимо, что с успехом обосновано В. Я. Проппом. Сам же человек не выделен из фольклорного социума и не обладает выраженной индивидуальностью, способной породить психологическую и событийную множественность.

В-четвертых, сказочное повествование демонстрирует своеобразную максимальность характеристик: герои обладают «чистыми», без примесей и компромиссов, без амбивалентности и противоречий чертами – небывалой храбростью,

абсолютной верностью, исключительной добротой, неизменной подлостью и т.д. Такими нерасчлененными характеристиками в тотемистической символике и ритуалах обладает общий предок, поэтому во многих древних сказках могут быть обнаружены осколки «мифа о герое-предке». Психологически такая связанность выражается не в том, что человек не видит и не осознает индивидуальных различий, а в том, что его «Я» допускает сравнение себя с другими членами общины лишь по фиксированному и ограниченному набору признаков, заданных общиной.

Кроме того, в характеристиках сказочных персонажей находит отражение высокая степень слитности индивида с окружающим миром, переживание глубинной зависимости от сил природы как выражение анимистического мышления и метафор. Человеком не выработано отношение к себе как к отдельности, принципиальной вычлененности из природы (для современного человека осознание себя частицей космоса, универсума является уже не столько стихийным мироощущением, сколько продуктом образования и рационального осознания) – отсюда могущество и «натуралистичность» («природность», первородность, естественность) приписываемых героям качеств (вспомним универсальный архаический образ умирающей и воскресающей природы и т.п.).

В-пятых, нельзя не упомянуть вневременность сказочного содержания, позволяющую сказке даже через тысячи лет быть понимаемой на эмоциональном и интеллектуальном уровнях. Они узнаются, опознаются сознанием в их функциональности, орудийности независимо от их древности (русская печь, лук и стрелы, меч, прялка и т.д.).

Человеческое сознание многим обязано семантике и символике архетипических сказочных сюжетов (особенно если принять тезис Ж. Лакана о том, что человеческое бессознательное структурировано как язык). Создаваемые сказкой и мифом семантический и иконографический коды, не задающие жестких правил денотации, порождают систему общекультурных и этнокультурных образов, влияющих на последующее восприятие человеком литературы, театра, живописи, жизненных реалий, самого себя и т.д.

Приобщает к внутренней эстетике этноса и его фольклору; она участвует в формировании семиосферы личности. Наконец, сказка особым образом расчленяет сознание, позволяя впоследствии различать (и связывать) реальность и вымысел, задавая модель и внутреннюю семантику вымышленного. Остается сожалеть, что в условиях общей потери традиций философско-психологическая литература о сказке не слишком богата, и в основной своей массе носит педагогико-воспитательный или ориентированный на осуществляемую психокоррекцию и психотерапию, а не собственно исследовательский характер.

Обо всём этом писал в своё время Владимир Яковлевич Пропп (1895 – 1970) в своих трудах: «Изучение сказки – не столько частная дисциплина, сколько самостоятельная наука энциклопедического характера. Она немыслима без истории народов мира, этнографии, истории религии, истории форм мышления и поэтических форм, языкознания, исторической поэтики ...»

В свою очередь, В.Я. Пропп не только указывал на различие сказки и смежных жанров, таких, как – миф, были (быличка, бывальщина), легенда, сказание и предание, народная книга, сказы, – но и продолжил систематизацию и классификацию самих сказок. Это было сделано для того, чтобы ориентироваться в жанрах необъятного русского изустного творчества. Ранее серьёзную попытку систематизировать сказки предпринял А. Н. Афанасьев, систему которого В. Я. Пропп считал одной из лучших, утверждая: «Афанасьев был первым из наших учёных, кто столкнулся с настоящей необходимостью упорядочения огромного сказочного материала». Им была предложена следующая классификация: а) сказки о животных, б) волшебные, мифологические, фантастические, в) былинные, г) исторические сказания, д) новеллистические или бытовые, е) былички, ж) народные анекдоты, з) докучные, и) прибаутки.

Итак, какие ещё могли быть пути возникновения сказок о животных? Что ещё могло повлиять на этот творческий процесс? Корни такого явления находятся глубже, и взаимосвязь по цепочке прослеживается следующая. Я сознательно сокращаю тяжеловесные расшифровки некоторых терминов, поскольку часть утверждений вызывает сомнения и вопросы:

«Анимализм (от лат. *animal* – животное), подход к изучению человека и общества, ищущий объяснений в биологическом происхождении человека и в его связи с миром животных (по В. Зомбарту);

Зоолатрия (от греч. *zoon* – животное, живое существо и *latéia* – служение, культ), совокупность обрядов и верований, связанных с религиозным почитанием животных. Корни зоолатрии восходят к глубокой древности, когда первобытные охотники совершали магические обряды, надеясь с их помощью добиться успеха промысла (об этом свидетельствуют рисунки в палеолитических пещерах) и защитить свою жизнь от хищников».

«Зоолатрия, вероятно, могла возникнуть как следствие бессилия первобытного человека в борьбе с природой. Истоки зоолатрии в значительной мере связаны с тотемизмом. Известны многочисленные исторические и этнографические примеры зоолатрии – суеверное почитание разных животных в разных частях света, «бессильный»

первобытный человек всё же являлся ЧАСТЬЮ природы как единой (когда-то) экосистемы, где сам человек если и боролся, то лишь за своё более сытое и относительно безопасное существование.

«Тотемизм (на языке североамериканских индейцев оджибве от-отем, буквально – его род), комплекс верований, мифов, обрядов и обычаев родоплеменного общества, связанных с представлением о сверхъестественном родстве между определёнными группами людей и так называемыми тотемами – видами животных и растений (реже – явлениями природы и неодушевлёнными предметами). Основной вид тотемизма – клановый, или родовой (индивидуальный или половой – реже). Тотем (чаще всего вид животных) – предмет религиозного почитания группы, носящей его имя, обычно родовой общины, членам которой запрещается охотиться на тотема, убивать его и употреблять в пищу... Тотемная группа считает себя связанной с тотемом общим происхождением от мифических предков – полулюдей-полуживотных или полурастений – и видит в нём покровителя и подателя жизненных благ.

Дж. Фрэзер неоднократно обращал внимание на то, что «...первобытный человек не проводит чёткой разграничительной линии между собой и некоторыми видами животных. Многие животные представляются ему ни в чём не уступающими и даже превосходящими его не только в том, что касается грубой физической силы, но также и в отношении умственных способностей. Так что если он по доброй воле или по необходимости решает лишить их жизни, то уже из соображений собственной безопасности он чувствует себя обязанным придать своему поступку видимость полнейшей почтительности не только в глазах живой особи, но и в глазах отошедшего духа и всех других животных данного вида. Иначе этот вид сочтёт себя оскорблённым обидой, подобно тому, как племя считает делом своей чести отомстить за ущерб и обиду, нанесённую кому-нибудь из его членов».

Список литературы

1. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
2. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.
4. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Л., 1976.
5. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983.
6. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.